

Он стал «не таким, как все» еще в детях — так распорядилась судьба, подарив ему Дунаевского-отца. Но фамилия — лишь аванс, который надо отработать, помня сакраментальное: «природа отсыпается на детях». Примеров тому — тьма. Их надо опровергать, что Максим Исаакович Дунаевский и делает легко и виртуозно вот уже на протяжении четверти века.

Вы сразу согласились на интервью — не потому ли, что иногда композитор хочет что-то сказать своим слушателям не музыкальным, а «обычным» языком?

— Я не критик, не музыковед, не писатель или журналист. Поэтому предпочитаю говорить языком музыки. А соглашаюсь я на интервью исключительно из соображений приличия: если журналист просит, значит, ему это нужно.

— Ваше детство было, по-видимому, музыкальным, скорее всего инструментально-музыкальным, ибо композиторские способности проявляются позже. Так?

— Нет. Все способности раскрываются сразу, и их можно обнаружить — на это и существуют профессионалы. Если ко мне, например, приходит молодой исполнитель, я через несколько секунд могу определить, дал ему Бог искру или нет. Говорю о композиторском даре. Человек может быть не научен чему-то, и менее сведущему может показаться, что ничего у него и нет. Но специалист, повторяю, может определить с большей степенью точности, кем будет маленький музыкант: только исполнителем или композитором, а может, тем и другим.

— Когда же проявились ваши композиторские способности?

— Тогда же и проявились, в пять лет. Как только я сел за пианино, стал импровизировать. Мне скучно было учить упражнения, гаммы и я импровизировал — к удовольствию гостей моего папы, который и демонстрировал меня в качестве импровизатора. Но все это довольно быстро кончилось, потому что наскучило сидеть, заниматься — я был нетерпелив.

— В какой школе вы учились музыке?

— В музыкальной школе не учился. Это были домашние уроки музыки, с педагогом. В школу я не пошел, и папа меня не заставлял, считая, что если есть что-то, то оно и проявится само. Какое-то начало было положено, а дальше... Это подтверждалось на сто процентов со мной и подтверждается с моим сыном. Я вел такую же политику в отношении своего сына, как мой отец — со мной. Сейчас ему 14 лет и он стал композитором, хотя не хотел заниматься музыкой. У него своя группа в Америке, он вы-

ступает, записал две пластинки. То есть он полностью посвятил себя музыке, хотя был период, когда от нее отошел. Но я сказал: «Не надо его заставлять», — точно так, как сказал когда-то папа моим насильникам.

— Какие качества композитора, на ваш взгляд, вы унаследовали от Исаака Осиповича?

— Я, мне кажется, унаследовал способность услышать или создать мелодию. Все мои критики, недоброжелатели и друзья сходятся на том, что мелодический дар у меня есть, и он — главное в моем творчестве. Наверное, это все-таки дар, именно дар, а перешел ли он по наследству или каким-то другим путем — не знаю.

— Известна ваша музыка к кинофильмам, в частности, к «Трем мушкетерам», «Ах, водевиль, водевиль!». Но вы ведь не сразу стали писать для кино?

— Конечно. Было много академической музыки, которую я писал в училище, в консерватории — я учился на композиторском факультете. Это была симфоническая, камерная и вокальная музыка.

— Она исполнялась по радио, на телевидении?

— Нет, она исполнялась на наших студенческих вечерах, иногда выдающимися исполнителями, то есть ставшими потом выдающимися. Первая профессиональная моя работа, которая зазвучала уже со сцены, была музыка к спектаклям театральной студии МГУ «Наш дом» под руководством Марка Розовского.

— Кто были вашими учителями в консерватории?

— Сначала я учился у Дмитрия Борисовича Кабалевского, потом перешел в класс Эшпая, а заканчивал у Тихона Николаевича Хренникова. Одним из моих педагогов был Альфред Шнитке.

— Чье творчество из названных композиторов вам ближе всего?

— Что значит ближе? Прежде всего — это замечательные педагоги, которые никогда не навязывали своего мироощущения, своего стиля в музыке. Этим отличается, мне кажется, настоящий педагог от плохого. Ничего от названных композиторов у меня нет.

— Принято считать, что вы жили в Америке, а теперь вернулись. Что же вас там не устроило?

— Вопрос сформулирован неверно, потому что я не поселялся в Америке, то есть я живу одной ногой здесь, другой — там; и так было с самого начала. Я не собирался отсюда уезжать, прощаться, устраивать прощальные вечера с некоей помпой, как это делали некоторые. А потом — возвращались. Вот продюсер Миша Плоткин, уезжая, продал все, что у него здесь было, устроил роскошный прощальный банкет. Продолжение вы знаете: прожив в Америке какое-то время, вернулся в Москву. Я не собирался поселяться там навсегда, несмотря на то, что были тяжелые моменты в моей жизни здесь. Это был не то, что тяжелый, а сумеречный момент моей жизни, когда мне захотелось что-то поменять, развернуть, попробовать что-то другое.

— Но не сжигая мостов?

— Разумеется. Во-первых, я прекрасно понимаю, что мои корни здесь. Хотя это громкая фраза, но она правильная. А что мне там не понравилось, могу сказать точно: никогда в жизни мы не впишемся в эту страну на полных правах, чтобы не чувствовать себя ущербными. Даже если сильно повезет с работой. Тухманов сейчас вернулся из Германии в Россию. Все его забыли — хотя говорить об этом ужасно. Он пытается сейчас проникнуть на рынок, а это сложно — рынок-то ушел вперед.

— Вперед?

— Вперед или назад — неважно, он ушел: имена забываются, их места занимают другие. В искусстве это очень опасно — потерять почву под ногами, тем более в массовом искусстве, когда твоя жизнь, твое благосостояние, твой успех зависят от массового слушателя или зрителя. Мас-

Максим Дунаевский:

«ПАПА НЕ РЕКОМЕНДОВАЛ МОИМ НАСИЛЬНИКАМ УЧИТЬ МЕНЯ МУЗЫКЕ»

са как раз отворачивается в первую очередь.

— Ваш отец, Исаак Осипович Дунаевский, умер сравнительно молодым человеком — 55 лет. Что было причиной смерти — слухи-то ходили разные?..

— Причина смерти — сердечный случай. Слухи давно все разоблачены, к этому мне нечего добавять.

— Исаак Осипович умер в июле 55-го года, не дожив полгода до февраля 1956-го, то есть до XX съезда партии. Как бы он, на ваш взгляд, реагировал на доклад Хрущева о Сталине?

— Я могу только догадываться, потому что я общался с папой, когда мне было 10 лет и о политике мы не говорили. Знаю только, что его характер был таков, что он воспринял бы это с энтузиазмом, как и большинство деятелей искусства. Хотя его нынче кое-кто называет придворным композитором — он им не был. Он жил в то время, в ту эпоху. Но не видеть того, что происходит, он тоже не мог, потому что, как говорится, снаряды падали рядом. Настроение его было не очень хорошее, особенно после войны. Об этом свидетельствуют его мрачные письма по поводу многих вещей. Он много писал друзьям, родным — тогда писание

Вос. Москва - 1997 - 6 окт. - 6.5

писем было в почте.

— Вернемся к вам. Читателя всегда интересуют личная жизнь известных людей. Ваш 14-летний сын, о котором вы говорили, он и сын Натальи Андрейченко?

— Да.

— А сейчас у вас есть семья?

— Вроде как есть и в то же время нет. Живу я, как видите, один, хотя формально я женат. Но дома в семейном понимании у меня нет.

— У вас только один сын?

— Есть еще дочь, но она родилась вне брака. В любви, но не в браке. Она — предмет моего внимания и заботы, хотя живет далеко — в Париже. С детьми надо жить смолodu. А вот окружи меня сейчас детьми — мне было бы тяжело. Я привык уже к какому-то условиям, и хорошо, что мои дети — взрослые люди.

— Что у вас сейчас на пюпитре?

— Во-первых, я делаю сейчас большую песенный проект с молодыми певцами. Сегодня эти имена никому ничего не говорят, их надо, как теперь говорят, «раскручивать». Для этого создана фирма, есть инвесторы, дающие на это деньги. Еще есть всякие телевизионные проекты; мюзиклы и так далее. В общем, без работы не сижу.

— Мне хотелось спросить вас о

замечательной, близкой моему сердцу песне «Все пройдет: и печаль, и радость». В ней прекрасные слова. Кто их автор и что было раньше: слова или музыка?

— Сначала была музыка, слова были написаны потом и так мастерски, виртуозно мог написать только такой поэт; как покойный Леонид Дербенев. Сегодня таких мастеров, наверное, и нет.

— Мне кажется, что «Пора-пора-порадуемся на своем веку» мог бы написать и сам Исаак Осипович...

— Расскажу вам такую байку. Я приехал в 82-м году в Польшу, а фильм «Три мушкетера» прошел буквально по всей Европе. Если б это было сегодня, я был бы богатым человеком. Так вот, я сел за рояль и заиграл «Пора-пора-порадуемся». Публика запела, даже встала, подхлопывая мне — в зале было около 5 тысяч человек. А после концерта пришли журналисты, брали вот так же интервью, и один из них сказал: «Хорошо, что вы закончили свой концерт этой песней Исаака Дунаевского». С одной стороны, это был комплимент, а с другой — говорило о том, что они немножко не в курсе.

Беседовал Владимир НУЗОВ
Фото автора